

— Что случилось?

Чжу Юй вышла из ванной, судя по всему, только что умывшись — на её щеках еще блестели капли воды.

Редко когда всколыхнувшееся в сердце Ся Гуан волнение исчезло без следа. Сжав в руке удостоверение личности, она выглядела так, будто столкнулась со смертельной опасностью:

— Ты, ты, ты, ты, ты... девяносто девятого года?

— Ну да, — простодушно признала Чжу Юй и, подойдя, забрала удостоверение, бормоча себе под нос: — Наверное, оно случайно выпало из сумочки вчера, когда я искала гигиеническую помаду.

У Ся Гуан очень сохли губы, и пока она спала, Чжу Юй намазала их бальзамом.

— Нет! — Ся Гуан даже толком не могла связать слова и, взъерошившись, тыкала в Чжу Юй пальцем: — Ты, ты, ты, да ты вообще совершеннолетняя?!

— Совершеннолетняя, — моргнула Чжу Юй. — Мне по лунному календарю уже девятнадцать.

Уже девятнадцать...

Эта фраза нанесла Ся Гуан удар такой сокрушительной силы, что она едва не почувствовала себя раздавленной щелчком Таноса.

Сколько лет прошло с тех пор, как она в последний раз разговаривала с кем-то, чей возраст начинался с цифры один?

Только вчера она мысленно ругала Сун Шую циничной тварью, губящей цветы нашей родины, как вдруг выяснилось, что настоящая бессовестная хищница здесь — она сама.

— Но ведь любовь и возраст никак не связаны, — невинно произнесла Чжу Юй.

Любовь... что она вообще понимает в любви в своем возрасте?

Чжу Юй шагнула вперед:

— К тому же, прошлой ночью первой проявила инициативу я.

— Начала стримить только в прошлом году, — добавила Чжу Юй. — Сразу после окончания школы подрабатывала в чайной лавке, еще занималась продажами. Я сменила столько работ, что уже и не помню все.

Закончив наносить уходовый крем, она достала из сумочки помаду, пару раз провела по губам и легко сжала их — от этого ее лицо вновь засияло живой, ослепительной красотой.

Говорят, три года — это уже пропасть между поколениями, но разница в возрасте между ними двумя была уже не пропастью, а тектоническим разломом.

Ся Гуан получила еще один смертельный удар, на этот раз по своим жизненным устоям.

— Стример, — ответила Чжу Юй.

Пожалуй, посчитав, что хвастаться подобным отдает неприятным высокомерием, она со вздохом приложила руку ко лбу:

— Тебе бы лучше сначала учебой заняться.

В восемнадцать лет, после начала учебного года, она должна быть только на первом курсе.

Вовсе нет.

Ся Гуан была готова извергнуть полный рот крови.

Она сама с младшей до старшей школы училась только в спецшколах с углубленным изучением предметов. Она видела тех, кто дурил, бросал учебу, чтобы пойти тискаться с уличной шпаной, а потом возвращался в школу под конвоем родителей; видела тех, кто за счет высокого ума круглый год пинал баклуши и не учился, а потом в последний момент брался за ум и чудом сдавал IELTS. Но она действительно никогда не встречала никого, кто сразу после окончания средней школы бросился бы в омут взрослой жизни и с головой окупился во все тяготы суровой реальности.

В то время ей было максимум пятнадцать, да?

Ся Гуан: «.....»

К тому же, она всего лишь поцеловала ее, ничего же толком не произошло, стоит ли из-за этого поднимать такую панику?

Уловив какую-то мысль, Чжу Юй на мгновение затаила дыхание и с неловким выражением

посмотрела на Ся Гуан:

— Сестрица, неужели ты... прямая?

Чжу Юй машинально вытянула бумажную салфетку, чтобы вытереть капли воды на лице:

— Я бросила школу после девятого класса и сразу пошла работать.

— Кем ты работала? — спросила Ся Гуан.

Ся Гуан не стала прямо отрицать, а произнесла:

— Быть в таком возрасте со сверстниками... ладно, но со мной тебе связываться нельзя! Разве нанимать детский труд не противозаконно? — с сомнением произнесла Ся Гуан.

— Прости, вчера я была не в себе, — Ся Гуан с мученическим видом закрыла лицо руками. — Давай просто посчитаем всё тем, что я натворила по пьяни! Сделаем вид, что ничего не было, ладно?

Ся Гуан вспомнила фотографии гонконгских кинозвёзд из восьмидесятых, которые видела в интернете в молодости: казалось, они были такими же, как эта девочка — красивыми без всякого неловкого переходного возраста, в них чувствовалось больше зрелости, чем юношеской наивности, и как ни посмотри, на восемнадцать лет они никак не тянули.

Если обобщить всё это двумя словами, то получится: рано повзрослевшая.

Отягощенная мыслями Ся Гуан умылась, а когда вышла, Чжу Ю переодевалась, демонстрируя изящную талию во всей красе. Ся Гуан вспыхнула и машинально отвернулась.

— Я пойду, сестрёнка, — переодевшись, Чжу Ю взяла сумочку.

Ся Гуан немного поколебалась и спросила:

— У тебя есть ручка?

— Есть, — ответила Чжу Ю и, достав из сумочки карандаш для бровей, протянула ей.

Ся Гуан: «.....»

Она вытащила салфетку, написала на ней карандашом для бровей цепочку цифр и протянула

девушке:

— Если вдруг попадешь в беду, можешь обратиться ко мне.

Она не любила заставлять других записывать номер телефона в телефон, это выглядело так, будто она принуждает собеседника выполнять какое-то задание. Кусочек бумаги подходил лучше: сохранить его или нет, зависело целиком от самой девочки.

Чжу Ю с улыбкой приняла записку и мягко поблагодарила.

Затем она подошла к двери, открыла её и столкнулась нос к носу с Сун Шую, которая вернулась после ночных гулянок.

Глаза Сун Шую округлились, как медные колокола, на голове у неё, казалось, мгновенно взметнулись три антенны. Она посмотрела на Чжу Ю, потом на Ся Гуан, и выражение её лица было таким, будто она увидела, как домашний петух съел утиное яйцо.

Когда Чжу Ю ушла, Сун Шую с тёмными кругами под глазами прошла внутрь в предвкушении сплетен. В её тоне сквозило семь частей удивления, две части ошеломления и одна часть досады из-за упущенного зрелища:

— Ну ты даёшь! Только не говори мне, что это горничная из отеля, разве что этот отель открыла сама Владычица Запада, а полы там моют не иначе как семь небесных феи.

Ся Гуан лениво было с ней спорить, и она описала всё одной фразой:

— Вчера встретила её в баре, я перебрала, она проводила меня домой, и мы остались на ночь. Вот и всё.

Сун Шую изначально хотела потребовать подробного рассказа о той самой простой фразе «остались на ночь», но слова сорвались с языка, и акцент резко сместился:

— Пила? Ты что, снова жить надоело?

Эта девица пять лет назад допилась до прободжения желудка и чуть не отдала концы на операционном столе.

— Всего один бокал, — Ся Гуан хлопнула себя по лицу тоником и собрала волосы в хвост. — Пошли, составишь мне компанию, я ужасно проголодалась.

— И не думай! Пока не расскажешь во всех подробностях, что ты натворила прошлой ночью,

никаких тебе ресторанчиков! — Сун Шую твёрдо вознамерилась сначала насытиться сплетнями, а уже потом едой.

— Что я могла натворить? — нетерпеливо бросила Ся Гуан. — Она же совсем еще несовершеннолетняя девочка, если бы я с ней что-то вытворила, осталась бы я после этого человеком?

Произнеся эти слова, она и сама почувствовала себя неуверенно. Сун Шую устроила настоящее представление с лицом, пораженным молнией, услышав словосочетание «только что совершеннолетняя». Придя в себя, она лихо взмахнула рукой:

— Ой, да разве мы все не девятых годов рождения? Если округлить, все ровесники.

— Ты что, математику учила только для того, чтобы собакам скармливать? — Ся Гуан бросила на нее косой взгляд, но ее внимание тут же привлекли темные круги под глазами Сун Шую. Доставая телефон, она многозначительно произнесла: — Молодежь, знайте меру, а то еще заберет какое-нибудь правительство для отправки за границу в качестве панды*.

Сун Шую побежала в ватную комнату к зеркалу исследовать свои синяки под глазами и тяжело вздохнула:

— Ой, и не говори! Вчера я водила эту сестричку по музеям, мы вместе ужинали, ходили в кино, а в итоге сняли номер в отеле. Угадай, что она со мной сделала?

— Что?

— Она проболтала со мной всю ночь о Платоне.

Ся Гуан попыталась сдержать смех, но не смогла.

Сун Шую вышла из ванной и пробормотала себе под нос:

— Знала бы — не стала бы возиться с ней эти полгода. Целыми днями преодолевать восьмичасовую разницу во времени, отправляя пожелания доброго утра и спокойной ночи, — думаешь, это легко?

Голос был очень тихим, но Ся Гуан расслышала каждое слово. Она подумала: «Хорошо же. Неужели этот паразит и правда приперся в Тайань смотреть на восход солнца исключительно ради того, чтобы остаться еще на день? Выходит, и ублажать девушку — правда, и встречаться в реале с интернет-подругой — тоже правда...»

Да что же это за нечисть такая уродилась, раз до того ветренная? Уж не большая ли лотосовая

коренья со дна Западного озера?

Выйдя из комнаты, Ся Гуан как бы между прочим небрежно обронила:

— Слушай, а в чью пижаму, по-твоему, была одета та девчонка, когда спала здесь прошлым ночным?

Лицо Сун Шую мгновенно окаменело, но она попыталась выдавить из себя улыбку:

— Наверняка в твою!

Ся Гуан поджала губы, покачала головой и с честным выражением лица ответила:

— Моя оказалась для нее слишком великой.

У Сун Шую от удивления расширились зрачки, волосы на голове буквально встали дыбом, точно как у ошетилившегося ежика. Сжав кулаки, она прорычала сквозь зубы:

— Ся Гуан, клянусь, я тебя убью.

— Сначала попробуй меня одолеть.

Билеты на скоростной поезд были заказаны на полдень. Едва сев в вагон, Ся Гуан принялась листать ленту в телефоне. Она не играла в игры и не заходила в Вейбо, а просто зависала на странице Вичата, время от времени заглядывая туда и обновляя экран.

Сун Шую некоторое время понаблюдала за этим странным поведением и напрямую спросила:

— Ты что, ждешь, пока кто-нибудь тебе напишет?

— Нет, — тут же ответила Ся Гуан.

— Тогда что ты делаешь?

— Хочу, чтобы телефон быстрее сломался, чтобы купить новый.

— ...

Определенно, кто-то из них двоих был не в своем уме, и Сун Шую была уверена, что это не она.

Не прошло и десяти минут с отправления поезда, как у маленького Сонг, выслушавшего целую ночь рассуждений о «платонической любви», начали слипаться верхние и нижние веки. Вероятно, ее слишком сильно промыли мозги: теперь, стоило ей закрыть глаза, в голове тут же всплывали слова вроде «мудрец», «глупец», «разум», «душа», словно рой разноцветных частиц, которые кружились перед глазами и назойливо жужжали. Ей хотелось взять мухобойку и прихлопнуть их всех.

Страница Вичата обновилась снова, но никаких изменений не было.

Ся Гуан даже специально проверила настройки, чтобы убедиться, что номер телефона привязан.

«Ладно», — подумала она.

Не успела Сун Шую поспать и получаса, как резко проснулась. В ее глазах читались страх и подавленность, которые редко доводилось видеть кому-то еще.

— Что, приснился кошмар? — спросила Ся Гуан.

— Угу, — кивнула Сун Шую и, пару раз потеряв лицо, заметно пришла в себя. — Приснилось, будто я нахожусь в каком-то очень знакомом лабиринте, но как ни ищу выход, никак не могу его найти.

Ся Гуан сделала глоток воды и с абсолютно невозмутимым лицом произнесла:

— Этот лабиринт случаем не называется «Восточный вокзал Ханчжоу»?

Сун Шую: — ...

Этот мем преследует ее всю жизнь, да?

Четыре года назад летом Восточный вокзал Ханчжоу только начал свою работу. Ся Гуан с воодушевлением заказала билет до Шанхая, чтобы лично поддержать это дело, но, радостно зайдя на станцию, заблудилась на сорок минут.

В конце концов она сдалась и просто вызвала такси домой. Водитель онлайн-такси примчался на всех парах и тоже заблудился на полчаса.

Хотя позже ей пришлось скрипя зубами изучить всю местность, это ничуть не мешало Ся Гуан оставаться главным хейтером Восточного вокзала Ханчжоу.

Господь не мог находиться везде одновременно, поэтому он создал маму; Ханчжоу не мог обойтись без лабиринта, поэтому построил Восточный вокзал.

— Некая Ся.

Если бы аэропорт Цзинаня не находился так далеко от Тайаня, Сун Шую была уверена, что эта злопамятная девчонка ни за что на свете не стала бы туда-обратно ездить на скоростном поезде.

Без четверти пять вечера поезд прибыл на Восточный вокзал Ханчжоу.

Ся Гуан отправилась к Западному озеру, а Сун Шую — в Сяошань. Перед самым отправлением поезда та, что носила фамилию Сун, не забыла заставить Ся Гуан пообещать купить ей новую пижаму — абсолютно такую же.

На словах Ся Гуан согласилась, а в душе пожалела, почему не подождала еще пару дней, прежде чем разыграть эту зануду, помешанную на чистоте, будто ее пижаму кто-то уже надевал.

И что бы она тогда сделала? Сменила бы собственную кожу?

Лето в Ханчжоу выдалось знойным, как всегда, до обидного знойным. Жить здесь — все равно что получить коробку испорченного печенья еще весной: ты знаешь, что вкус будет отвратительным, но, отправив его в рот, все равно выругаешься.

Жилой комплекс, где жила Ся Гуан, находился недалеко от Западного озера. Раньше, когда у нее иссякало вдохновение во время написания текстов, она часто вечерами каталась на велосипеде вокруг Западного озера, вдыхая прохладный вечерний ветерок под светом уличных фонарей, и мысли текли рекой. Пожалуй, этот разноцветный мир казался ей скорее складом материалов для творчества.

Но последние два года это стало невозможным — слишком много людей.

Она вернулась домой уже почти в сумерках. За окном закатное солнце опустилось на гору Баоши, и проникавшие внутрь лучи заката казались еще более тусклыми, чем свет старой лампы накаливания.

Включить свет, бросить сумку, рухнуть на диван — все в одно движение.

Квартира была куплена в две тысячи восьмом году: планировка из трех комнат и двух гостиных, постмодернистский стиль ремонта, черно-белая гамма. Звукоизоляция отличная — если кто-то поживет один, то услышит эхо даже от собственного чиха.

Сун Шую несколько раз останавливалась у нее дома, а по возвращении в Англию прислала ей целую кучу распятий, уверяя, что взяла их на кафедре религиоведения по соседству и что они подлинные.

<http://bllate.org/book/22326/2338461>